Юридические науки

УДК 34

СУЩНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ГЛАВОЙ 40¹ УПК РФ, В СВЕТЕ УЧЕНИЯ О ЕДИНСТВЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ²

В. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия),

e-mail: nikkipohta@mail.ru

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование досудебному соглашению о сотрудничестве сторон в уголовном процессе РФ, её доктрина и законодательная техника. Данный раздел посвящён сущности уголовно-процессуального института, который предусмотрен главой 40¹ Уголовно-процессуального кодекса РФ, а рассмотрение происходит в свете учения о единстве и дифференциации уголовно-процессуальной формы

Ключевые слова: юриспруденция, досудебное соглашение, правосудие, сотрудничество с подозреваемым.

Правовая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым является предметом дискуссий в науке и порождает различные мнения и толкования. В целом можно выделить две основные позиции по данной проблеме, одну из которых мы подвергнем анализу в настоящем параграфе.

Данную позицию можно считать традиционной для нашей уголовно-процессуальной теории. Учение о единстве и дифференциации уголовно-процессуальной формы развивалось многими отечественными процессуалистами: вначале применительно к главе 40 УПК РФ [7, С. 367, 368; 18, С. 7 и след.; 21; 35, С. 10; 40, С. 472-473; 47, С. 22-28; 50; 65, С. 537-538; 66, С. 379; 67, С. 502-504], а затем и к главе 40.1 УПК РФ [13, С. 34 и след.]. Согласно этой позиции институт, предусмотренный главой 40.1 УПК РФ, а также другими уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми нормами, является продуктом дифференциации уголовно-процессуальных форм [1, С. 94-95; 49, С. 241-242; 63; 70; 75, С. 14; 77, С. 207-208]. Представители этого научного течения квалифицировали указанные институты как сокращенные формы от обычной, «ординарной» формы уголовно-процессуального производства по уголовным делам. Придерживаясь этой позиции, правомерно утверждать, что анализируемое нами явление является следствием дифференциации «формы», а потому – продуктом развития нашего права. Таково наше предположение.

Остановимся подробнее на анализе основных положений данной доктрины, чтобы оценить его объяснительные способности применительно к тому институту, который является предметом нашего исследования.

² Материалы представлены магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор Нижегородской академии МВД России А.С. Александров. Оппоненты: профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор П.Г. Марфицин; профессор уголовно-процессуального права Владимирского юридического института ФСИН, доктор юридических наук, профессор И.В. Головинская. Ведущая организация: Башкирский государственный университет.

Интересно отметить, что хотя большинство наших процессуалистов-теоретиков и являются приверженцами такого взгляда, однако, наверное, не каждый из них смог бы объяснить причины своего выбора (если вообще такой выбор осознавался)3. С большой долей вероятности можно предполагать, что для большей частипредставителей научного сообщества какой-то альтернативы этой позиции не было. Почему мы так думаем? Потому какой-то ЧΤО, признанию некоторых аналитиков, целостной рассматриваемом нами учении нет вовсе; есть соображения утилитарного характера, есть проявления здравого смысла, наконец – опыт сравнительного правоведения. Авторы Концепции судебной реформы 1991 г. справедливо указывали на то, что «до сих пор остается нерешенным вопрос о доктринальном обосновании критериев дифференциации форм уголовного судопроизводства. Ни те, кто ратует за упрощение процесса по некоторым делам, ни их противники, отстаивающие унификацию, не привели пока убедительных аргументов в пользу того или иного подхода» [42].

Мы считаем, что альтернатива необходимо любой точке зрения, высказываемой в науке. Несомненно, альтернатива всегда есть, и осознание ее всегда стимулирует к критической оценке собственной позиции, позволяет увидеть ее достоинства и недостатки. Таким образом, из противопоставления различных версий и объяснений складывается более объективное и взвешенное представление об исследуемом объекте. Спор полезен не только в суде, но и в науке, это универсальное средство установление истины. Так что сопоставление различных интерпретаций правовой природы института досудебного соглашения о сотрудничестве, безусловно, способствует объективности в исследовании данного феномена. Более того, вполне уместно таким образом затронуть методологию уголовно-процессуальной науки⁴, ведь за долгую историю она впитала в себя точки зрения ученых как советских, так и дореволюционных и стала (надо признать) универсальным инструментом познания самых разных объектов в сфере уголовного процесса.

Вникнув в суть проблемы, и изучив взгляды представителей учения о единстве и дифференциации уголовно-процессуальной формы, мы пришли к выводу, что до сих пор в отечественной науке нет единства в понимании природы дифференциации форм и правомерности использования данной категории для объяснения тех или иных правовых феноменов. Сохраняется неопределенность по поводу того, любые ли процедурные особенности свидетельствуют о дифференциации уголовно-процессуальных форм; каковы критерии для выделения таких форм; что является основаниями (причинами) процесса дифференцирования форм, не говоря уже о его закономерностях.

Многие ученые всю проблематику дифференциации сводили к упрощению [16, С. 65; 43, С. 10; 79, С. 66-67]. Они склонны рассматривать дифференциацию в контексте процессуальной экономии [20, С. 65; 24, С. 6; 76, С. 7-9] или оптимизации, рационализации досудебных, судебных уголовно-процессуальных производств [52, С. 50-54]. Отметим, что вопрос об «экономии производства» поднимался И.Я. Фойницким, который писал о процессуальных приоритетах: быстроты, полноты и «экономии производства» [69, С. 171].

³ Наверное, наиболее отчетливо рациональное объяснение данного выбора выражено в монографии А.В. Пиюка «Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса» (Томск, 2011), на взглядах которого мы остановимся позднее.

⁴ В первой главе данного исследования анализ методологических проблем более чем уместен и даже обязателен. Так что выбранный нами заход на тему (через проблематику формы и ее дифференциации) укладывается в логику классического исследования.

В теории сформулирован и принцип «процессуальной экономии», требующий достижения большего результата с возможно меньшей затратой труда, выражением чего являются быстрота производства и простота его [55, С. 26, 71].

В рамках концепции упрощения выдвигаются проекты, направленные на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, неизбежно ведет к изысканию способов оптимизации деятельности, повышения ее оперативности, устранения из нее всего того, что лишь усложняет путь к достижению целей уголовного судопроизводства [22, С. 132]. Так, Т.В. Трубникова, давая достаточно емкое определение упрощенного производства, указывает на то, что его характеризуют такие черты, как быстрота осуществления уголовно-процессуальной деятельности, простота уголовно-процессуальной формы, уменьшение затрат [24, С. 130].

Современные последователи тезиса о полезности сокращения процедур по некоторым категорий уголовных дел, именно с данной разновидностью дифференциации (и ее атрибутами - упрощением, ускорением, уменьшением, повышением эффективности) связывают природу досудебного соглашения о сотрудничестве [14, С. 56-59; 19; 39; 53, С. 5-14]. Как пишет А.В. Смирнов ускоренное/упрощенное производство по уголовному делу, каковым является производство, установленное главой 40.1 УПК РФ, - это такая форма уголовного процесса, которая предназначены для разрешения уголовных дел в сокращенные сроки и по упрощенным правилам [53, С. 9]. Факторами, обуславливающими появление сокращенных производств, типа института досудебного соглашения, называют, потребность в повышении эффективности уголовного судопроизводства в целом и в том числе экономия ресурсов (финансовых, людских и т.д.), затрачиваемых на осуществление уголовного судопроизводства, ускорение производства по уголовным делам, что приводит к сокращению срока между совершением преступления и назначением наказания за него, более быстрому восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевших, возмещению преступного вреда; процессуальная экономия временных, материальных и трудовых ресурсов, задействованных в производстве по уголовному делу лиц и органов; стимулирование обвиняемых к содействию в раскрытии преступлений, склонении отдельных категорий лиц к прекращению преступной деятельности, самообнаружению, уменьшении моральных и материальных издержек правопослушной части населения от участия в уголовном судопроизводстве [13, С. 56; 39, С. 49; 59].

Проблематика упрощения отнюдь не сводится к юридико-технической стороне, а тем более к «упрощенчеству» (многократно заклейменному процессуалистами). Она сопряжена с проблемой оптимизации системы уголовно-процессуальных гарантий участников процесса⁵. И раньше, когда спорили относительно приемлемости протокольной формы и теперь, когда обсуждают сокращенную форму судебного разбирательства или досудебное соглашение о сотрудничестве, вопрос об обеспечении прав участников процесса находится в центре внимания ученых⁶.

К настоящему времени стало научной аксиомой положение о том, что упрощение форм досудебного производства должно осуществляться «с наименьшими потерями» для

⁵ Разумеется, это суждение справедливо не ко всем представителям учения о дифференциации форм.

⁶ Иногда эта проблематика приобретает гротесковый характер, как в случае обсуждения проблемы недостаточного обеспечения прав потерпевшего при заключении и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве. Не поняв сущности этой процедуры очень многие предлагают ее улучшить за счет обеспечения доступа к ней потерпевшего и предоставляния ему соответствующих гарантий по защите своих интересов.

гарантий прав личности [22, С. 125; 80, С. 25-29]. Это аксиома и для производства, предусмотренного главами 40.1, 40 УПК РФ. Тем более, что оно, по словам его критиков, является «суррогатным правосудием» [39, С. 49]. Значит, надо искать оправдание его существования не в системе прежних, традиционных уголовно-процессуальных гарантий (даваемых государством гражданину), а в гарантиях состязательного уголовного процесса (институты независимой судебной власти, адвокатуры, самозащиты своих прав человеком, в том числе уголовно-процессуальными средствами). Ведь заключая соглашение с государством, обвиняемый выступает как самостоятельный субъект договорных отношений (с помощью защитника-адвоката), который вправе выбирать любую модель поведения и несет правовые последствия за свой выбор. Это новая идеология свободных людей, о чем мы будем говорить во втором параграфе, и она, конечно, мало свойственна учению о дифференциации уголовно-процессуальных форм.

Важно подчеркнуть, что феномен упрощения при внимательном анализе приобретает определенную сложность. Так, Е.В. Марковичева квалифицирует тенденцию к упрощению формы как одно из направлений «ускорения уголовного судопроизводства»; понятие «ускоренное производство» для нее имеет более широкое значение, чем просто редукция [28 С. 51]. Отсюда уже можно делать шаг в сторону выявления новых сущностных аспектов в сущности досудебного соглашения, что и делает автор в своем исследовании, допуская в данном институте договорные элементы [28]. Заметим, что подобное эклектическое, смешанное направление получает все большее распространение в современной науке: в досудебном соглашении усматривают, с одной стороны, результат дифференциации формы, упрощенную (ускоренную) форму, а с другой стороны – трактуют ее как соглашение, договор⁷

Есть глобально мыслящие научные деятели, которые усматривают дифференциации объективную тенденцию развития уголовного процесса, приводящую к сосуществованию внутри уголовного процесса различных производств, отпочкования от основной форм специальных. Одним из первых авторов в отечественной уголовнопроцессуальной литературе об этом стал писать Н.Н. Полянский. Н.Н. Полянский отмечал, что при несоответствии между ростом преступности и возможностей правового государства реагирования на нее неизбежно возникает необходимость в более гибкой уголовной политике, в том числе в использовании упрощенных процедур преследования преступлений [41, С. 110]. Под таким углом зрения дифференциация выглядит как объективный процесс умножения форм (как в сторону упрощения, так и усложнения) [4, 16, 22].

Это представление нашло развитие в теории права, где получило поддержку положение о том, что правовые процедуры (формы) должны быть многовариантными. Рассуждая в подобном духе, Д.П. Великий предложил принцип оптимальной организации и дифференциации процесса [9, С. 7-8]. А С.С. Цыганенко проводит аналогию между дифференциацией уголовно-процессуальной стратегией развития процессуального права [70, С. 83]. При этом в своих работах С.С. Цыганенко подчеркивает преобразований развитие уголовно-процессуальной формы отстает от материального уголовного права, уголовной юстиции, потребностей новой уголовной политики. По его словам, «специализация, обеспечивающая до ЭТОГО

 $^{^{7} \ \}mathrm{Mы} \ \mathrm{покажем}$ это на примере воззрений Топчиевой Т.В.

эффективность уголовно-процессуальных институтов, оказалась не способной в полной мере выполнить задачу, стоящую перед модернизацией структуры уголовного процесса. Соответствующим способом преобразования процессуальной формы, приведения ее в соответствие с новыми условиями стала дифференциация» [70, C. 83].

Развивая подобные идеи применительно к процедуре, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ, А.В. Смирнов пришел к выводу, что функция упрощения уголовнопроцессуальных производств заключаются в осуществлении правосудия, судебной защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе потерпевшего от преступления, посредством развития системно-структурной организации уголовного процесса [53, С. 7].

Между тем, мы полагаем, что учение о дифференциации форм, включая его извод в виде «упрощения форм», все-таки ограничено и не способно решать столь масштабные задачи. Мы считаем, что до настоящего времени на теории дифференциации лежит глубокий советский отпечаток, советской науки, с характерной для нее проблематикой, а также инструментарием ее решения. Это может показаться минусом. Однако не будем забывать и того, что современный российский уголовный процесс вышел из недр советского, а потомуунаследовал многие из его проблем, а вместе с ними алгоритм их решения, т.е. все то, что называется стереотипами мышления. Так что в значительной мере мы являемся заложниками инерции мышления. Ведь все продолжают ссылаться на Концепцию судебной реформы 1991 г., которая дала «новый импульс» для правового развития, а в числе ее задач была, между прочим, дифференциация форм судопроизводства [42]. Вместе с Концепцией они унаследовали и актуальную проблематику и пути ее решения [31], т.е. правовые идеологию и психологию.

Таким образом, проект дифференциации уголовно-процессуальных форм имеет концептуальные основания в советской науке, уже в новейшее время они были актуализированы в Концепции судебной реформы, и в силу этого обрели позитивное значение для научного сообщества. Соответственно, мы делаем вывод о том, что первая причинавостребованности учения о дифференциации уголовно-процессуальных форм состоит в закономерностях развития науки и может быть — инерции мышления (кто-то скажет - «лености» ума). Мы имеем и используем те научные наработки, то теоретический фундамент и методологию, которые созданы нашими предшественниками. Учение о дифференциации уголовно-процессуальных форм — это не просто позиция, за ней стоят целые школы (томская школа процессуалистов, например), которые предопределяют научную картину мира для современных исследователей⁸.

Мы говорим об образе мыслей, об определенной интенции в структуировании реальности, о привычке и т.п., но можно ли говорить обпродуманнойидеологии, четкой системе ценностей? Уместно ли относить учение о дифференциации к либеральной (западной) системе правовых ценностей или к консервативной (почвеннической) идеологии, которая? Производится ли такой выбор при использовании учения о дифференциации уголовно-процессуальной формы для объяснения правовой природы досудебного оглашения или данное учение безыдейно в данном случае?

21

-

⁸ На наш взгляд, те, кто пытается через учение о дифференциации объяснить сущность досудебного соглашения, на половину (как минимум) что называется «гонят порожняк». Все эти глубокомысленные рассуждения о гарантиях прав человека, рационализации и пр. бьют мимо цели – соглашения, договора, который и является правовым ядром данного института.

Полагаем, что идеология в этом учении есть и потому с его использованием сопряжены определенные идейные соглашения и соответственно - критика оппонентов. Сторонники анализируемого подхода к объяснению института досудебного оглашения любят опереться на авторитет классиков, в частности - *И.Я.* Фойницкого, который писал, что «при одинаковости задачи и основных начал уголовный процесс... представляет значительные различия в путях, им избираемых. Исторические условия народной жизни и строй государственный в этом отношении оказывают на него огромное влияние. Пригодное и возможное при одних условиях неуместно или невозможно при других... Этим обусловливается и различие в процессуальных порядках» [69, С. 12].

Таким образом, используется серьезный аргумент в виде исторической традиции формирования государственно-правового строя, условия народной жизни. Современный сторонник данного подхода – А.В. Пиюк так и пишет, что именно различные исторические условия развития человеческих социумов и групп, предопределившие образование и иных государственных органов, выполнявших определённые развитие тех или государственные функции, различные культурные и этнические особенности той или иной нации и народа, разность менталитетов народов и явились причиной образования (или заимствования) того или иного способа построения уголовного судопроизводства. В этой связи попытки объявить какое-либо построение уголовного судопроизводства более «цивилизованным», «основанным на принципах классической состязательности» либо дающим «большие возможности для уяснения истинных обстоятельств дела» не могут приветствоваться. И англо-американский процесс, и процесс континентальный, к которому относится процесс России, обладают собственной историко-культурной и социальной ценностью, отражают уровень развития и менталитет граждан и общества, в котором и сложился тот или иной порядок [39, С. 99].

Сейчас стали достаточно модными исследования в области типологии процесса 9, где проводятся линии между нами и другими, пытаются доказать самобытность нашего правого и в том числе уголовно-процессуального правового развития. Так, по мнению, О.Б. Семухиной в отличии процесса англо-американского типа наш процесс основан на при-«общественного» [51, C. 33-45]. публичного, интереса предопределяющие возможность заключения «сделок с правосудием», имеющиеся в США, действительно лежат в области конструкции типа уголовного судопроизводства англоамериканской модели. К ним относятся и частно-исковой характер обвинения, и теория разделения процессуальных функций на защиту, обвинение и разрешение дела, и трактовка принципа состязательности, и большая реализация принципа диспозитивности. Признание вины в англоамериканской модели (guilty plea) традиционно считается отказом от спора и основанием дня упрощения процесса, в странах, которые ее восприняли, этот институт остается одной из основ судопроизводства и никаких сомнений не вызывает, хотя от судей всегда требовали выяснять мотивы такого признания и его соответствие иным установленным обстоятельствам [51].

Наше правосознание, проникнутой романо-германской публично-правовой идеологией, отвергает прагматизм англо-саксов. Даже несомненные достоинства судопроизводство англо-американского типа, которое является более гибким, допускает большую диспозитивность сторон, возможность компромисса между государством и

⁹ Что можно считать разновидностью учения о единстве и дифференциации, но более отвлеченного характера.

лицом, совершившим преступление, не могут служить причиной игнорирования глубокого различия между нами и ими. Следует отметить, что и эти различия между двумя типами судопроизводства возникли исторически, как результат развития того или иного государственного образования, характеризовавшегося объективной потребностью регулировать в большей мере ту или иную область деятельности общества, различием подходов политических элит к организации защиты тех или иных интересов, что обусловливало в том или ином государстве возникновение и развитие органов, выполнявших те или иные функции и наделенных определённой компетенцией, и т.д.[39, С. 100].

Мы считаем, что использование учения о дифференциации (упрощении) форм для объяснения природы досудебного соглашения о сотрудничестве имеет скорее реакционное (может быть — консервирующее), а не прогрессивное (прогресс нами ассоциируется все-таки с западной моделью) значение 10. Понятно, что идеологические оценки (ярлыки) — своего рода условность. Ведь они зависят от идеологических предпочтений (чаще всего неосознаваемых) автора оценки. И нельзя не видеть, что исходная установка свести природу института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ, к форме бессодержательна, она сопротивляется (исключает) чуждому объяснению [61, С. 139].

И все же надо попытаться выявить в анализируемом подходе позитивные конструктивные моменты, которые в нем должны быть. Итак, является ли изучаемая процедура уголовно-процессуальной формой? Разумеется, является, как и всякий отрегулированный нормами УПК порядок производства по уголовному делу – институт позитивного права. Все характеристики, даваемые нашими учеными форме, все панегирики в ее честь вполне уместны и по отношению к «форме», предусмотренной главами 40, 40.1 УПК РФ.

Так, можно ожидать, что она в полной мере создает «стабильный правовой режим производства по уголовным делам» [80, С. 111]. Значит, ценность такой уголовно-процессуальной формы, как урегулированной главой 40.1 УПК РФ, состоит в том, что она создает детально урегулированный, устойчивый, юридически определенный, строго обязательный, стабильный правовой режим производства по уголовному делу, отвечающий задачам судопроизводства и его принципам. Как подчеркивал А.Д. Бойков, процессуальная форма обретает объективное свойство ценности только тогда, когда она, во-первых, служит осуществлению социально значимых целей; во-вторых, обеспечивает оптимальное достижение этих целей; в-третьих, предполагает использование при этом не любых средств, а лишь тех, которые соответствуют требованиям законности и нравственности, опираются на достоверные и проверенные достижения науки [22, С. 131].

Значит, если подводить уголовно-процессуальную процедуру досудебного соглашения о сотрудничестве под понятие «форма», то эти характеристики к ней уместны. Разумеется, можно утверждать, что она создает некий правовой режим (эпитеты могут быть какие угодно: от восторженных до критических, но это не отменяет правовой сущности процедуры) производства по уголовному делу и этот правовой режим отвечает целям и задачам уголовного процесса и основывается на принципах уголовного процесса.

¹⁰ В свое время, т.е. в 70-80-е годы прошлого столетия, было все наоборот. Она привнесла свежесть и определенный драйв в научную дискуссию, и главное - заставила критически посмотреть на некоторые институты позитивного права.

Разумеется, все это справедливо и по отношению к «дифференцированным формам», о которых идет речь. Да и как же иначе? После того как упрощенный порядок разрешения уголовного дела (вынесения обвинительного приговора), а потом и досудебное соглашение, нашли свое нормативно-правовое закрепление, мы volens nolens принуждены говорить тоже самое и по отношению процессуальной форме, регламентированной той же главой 40¹ УПК РФ.

Но ведь то же самое можно сказать по отношению к любому из институтов позитивного уголовно-процессуального права. Получается прямо по Гегелю: все существующее — действительно, и соответственно - разумно, правомерно (конституционно). Значит, все достоинства, априори присущие «форме», автоматически приобретаются законодательной новеллой с момента вступления в силу закона.

Таким образом, значение процессуальной формы, ее социальная ценность состоят в том, что она обеспечивает режим законности в процессе, создает условия для достоверных выводов по делу, содержит гарантии защиты прав и законных интересов участвующих в деле лиц, способствует воспитательному воздействию процесса [65, С. 93]. Далее утверждается, что уголовно-процессуальная форма, являясь неотъемлемым признаком уголовного судопроизводства, охватывает уголовно-процессуальную деятельво всем ее многообразии. Она предстает в виде некой многоэтажной, многоступенчатой конструкции: ее основу, фундамент составляет предусмотренный законом единый порядок осуществления процессуальной деятельности, который определяется общими принципами российского уголовного процесса [27, С. 9-10]. Таким «примеряя» понятие «форма» (дифференцированная) к «досудебному образом, соглашению» мы *примиряем* его с нашим правовым сознанием, приспосабливаем его имеющемуся у нас правовому опыту.

Однако, если вспомнить - на этапе обсуждения законопроектов о рассматриваемых Противники давались негативные оценки. введения процедурах им правосудием» В отечественное уголовно-процессуальное право последовательно выступали с одним и тем же набором аргументов вначале против института, введенного главой 40 УПК РФ [30, С. 37-38; 38, С. 35-36], а затем против главы 401 УПК РФ. В аргументации против этих институтов использовались тезисы о том, что они чужды российскому менталитету [15; 23; 38; 71, С. 72], аморальны и безнравственны [58], противоречат основам романо-германской правовой системы и природе российского уголовно-процессуального права, являющегося органической частью этой правовой системы. После принятия ФЗ№ 141-ФЗ [68] эта критика стала во многом неактуальной, но зато она нашла проявление в объяснении недоговорной природы нового института.

«Волшебное свойство» формы состоит в том, что она дает правовое бытие хотя бы и первоначально выглядевшему спорным проекту; сомнения в разумности и действительности юридической модели отпадают сразу, как она становится законом, т.е. приобретает «форму». Схема рассуждения проста: (1) «процедура досудебного соглашения» имеет «форму»; (2) «форма» обладает безусловной ценностью; (3) значит, на досудебное соглашение о сотрудничестве в полной мере распространяются все положительные моменты «права»: законность, обеспечение прав человека и пр. Такая схема удобна и вполне вписывается в стратегию некритического восприятия правовой действительности, характерной для отечественной уголовно-процессуальной науки.

Однако беспристрастный и непредвзятый ум требует более веских объяснений тому, почему «досудебное соглашение» стало «формой», т.е. «правовой реальностью»? Только ли благодаря воле «мудрого законодателя», просто принявшего законодательный акт, ознаменовавший событие «дифференциации» и таким образом *сотворившего* (из ничего) новую форму? Или это проявление объективной закономерности развития российского нового (постсоветского) этапа развития, которая нашла законодательстве. Все-таки думается, что простая констатация того, что процедура, предусмотренная главами 40, 40¹ УПК РФ, есть «уголовно-процессуальная форма» со всеми вытекающими из этого последствия, мало что дает для понимания правовой природы явления. Кроме того, что позволяет повторять на все лады набор избитых истин о достоинствах новой, дифференцированной формы. Возможно и так. Но всегда актуальным (пусть и отложенным в теоретическую плоскость) остается фундаментальный вопрос о том, а соответствует ли стандартам «настоящей», «подлинной формы» новелла, изобретенная законодателем, и стала ли она «своей» (или, по крайней мере, станет) для данного правового организма или это чуждый для него элемент, который разрушает традиционную «форму» (структуру).

Есть в рассматриваемой научной теории тезис, заслуживающий внимания; он состоит в постулировании единства формы, как внутренней организации, структуры процесса, при всем многообразии производств - форм процессуальной деятельности. Развивая данную мысль, А.В. Руновский пишет: «Единство в многообразии — вот ключ в понимании диалектики общей формы процесса (его идеологии) и отдельной взятой, конкретной формы производства по уголовному делу» [45, С. 86].

Переводя на более простой язык смысл приведенной цитаты, наверное, можно сказать, что сведение сущностной проблематики института досудебного соглашения о сотрудничестве к базовой категории «формы», имеющей для теории (особенно для нее) и практики неоспоримую ценность, преследует несколько целей: 1) поиск универсалий (категория «форма» имеет онтологическую сущность для уголовно-процессуальной науки 12, т.е. это уголовно-процессуальная «универсалия), 2) оправдание (а в случае необходимости – критика)конкретной, в томчисле «новой» формы, 3) самоидентификация (самооправдания) научного уголовно-процессуального дискурса (как сверхзадача каждой научной дисциплины), его предмета и метода.

Таким образом, перенос обсуждения проблематики о сущности правовых процедур, регламентированных главами 40, 40.1 УПК РФ, в интеллектуальное русло обсуждения дифференциации уголовно-процессуальных форм является в определенной степени продуктивным актом: поскольку благодаря ему явление помещается в привычную интеллектуальную среду и, следовательно, адаптируется, «переваривается» — делает «своим» для всех субъектов юридической деятельности. И недавние критики

¹¹ «Универсалия» (от лат. Universalis – общий) – термин, использовавшийся в средневековой философии для обозначения общих понятий. Отечественная уголовно-процессуальная наука во многих чертах напоминает средневековую схоластику, суть которой толкование мира через сакральный текст (там – Библия, у нас – Кодекс). Существует система авторитетных текстов и авторитетов, к которым необходимо обращаться при разработке аргументации. При этом корпоративные нормы «наукотворчества» (прохождение и защита диссертаций – квалификационных работ) достаточно жестко контролируются властными инстанциями.

¹² Уголовно-процессуальная наука – это наука о юридических формах, в которых она ищет свое содержание. Вполне можно сказать, что уголовно-процессуальная наука – это уголовная морфология.

превращаются в комментаторов закона, силящихся объяснить природу нового явления. Так происходило с главой 40 УПК, а затем и с главой 40¹ УПК РФ.

Итак, главный «позитив» учения о дифференциации уголовно-процессуальных форм состоит в его интеграционной способности. При самом общем приближении (отдалении) учение о дифференциации уголовно-процессуальных форм вполне уместно для анализа формы, предусмотренной главами 40-40¹ УПК РФ. Как минимум данное учение позволяет переходить к констатации того, что досудебное соглашение — это «уголовно-процессуальная форма»; сокращенная, отличающаяся от традиционной формы, но, тем не менее, органическая часть единого целого — уголовного процесса России; объединенная с другими процедурами системой общих принципов, назначением процесса. А вместе с тем, постулируется, что новая форма — это благо, что это реальность, что это ценность, которой надо дорожить. И хотя такого рода утверждения могут показаться недостаточно креативными, но консервативным моментом нельзя пренебрегать. И даже напротив, надо иметь якоря в виде незыблемых стандартов «настоящей» формы».

Критический заряд для развития теории, конечно, необходим, наряду с обеспечением преемственности в развитии. Но ведь и в определенной доле креативности учению о единстве и дифференциации форм нельзя отказать. Если всю уголовно-процессуальную науку можно трактовать как проект о форме, т.е. морфологию, то тему об упрощении(но в равной степени и об усложнении) формы, можно квалифицировать скорее как критику традиционной (действительной) формы и как показатель кризисаили, по крайней мере, неспособности существующих форм адекватно отвечать на вызовы времени, потребности практики. Короче говоря, в этой теории можно увидеть диалектическое снятие формы при ее сохранении, происходит не отказ от существующей формы, не отрицание формы (а стало быть — «закона»), но подтверждение его через порождение новых форм (возможно, качественно отличающихся от традиционного формата).

Как уже отмечалось, упрощение или сокращение является одним из мотивов и последствий дифференциации форм уголовного судопроизводства. Соображения целесообразности и эффективности являлись двигателем проекта дифференциации форм, ее приверженцы специально указывали на важность процессуального обеспечения быстроты судопроизводства [33, С. 75]; дифференциация порядка уголовного судопроизводства, согласно их планам, должна была заменить сложную (обычную) форму более простой и гибкой формой, не связанная со значительными затратами времени и материальных средств [2, С. 72; 5; 8, С. 49-51; 16, С. 65; 32; 33; 34; 43, С. 10; 49; 79, С. 66-67]. Мы видим в этом проявление естественной для любой сферы человеческой деятельности тяги к рационализации. И в этом есть несомненное новаторство (но не разрушение, ведь старая форма остается «матрицей»).

Отвечают ли этим требованиям проекты наподобие процедур, предусмотренных главами 40, 40¹ УПК РФ? Разумеется, ответ должен быть утвердительным. Элемент упрощения, несомненно, присутствует и в процедуре досудебного соглашения о сотрудничестве; он имеет много проявлений: начиная от «сокращения» доказывания, круга участников, до количественного сокращения объема следственных и судебных действий. Это совершенно очевидно. Так же очевидным (на первый взгляд) является и сокращение традиционных уголовно-процессуальных гарантий, связанных с полной формой (скажем, запрет на использование «признания обвиняемым своей вины» в качестве основы обвинительного приговора или обеспечение прав потерпевшего).

Вероятно, не случайно неприятие идеи дифференциации (упрощения) уголовнопроцессуальной формы предопределило и негативное отношение к главе 40 УПК РФ и к идее «сделки о признании вины» И.Л. Петрухина и других, выступали резко против идеи дифференциации процессуальных форм, исходя из положения о необходимости сохранения единой процессуальной формы производства по всем уголовным делам, недопустимости упрощенчества. По их мнению, любые упрощенческие тенденции абсолютно несовместимы с правом [37, С. 106-107].

Противники дифференцированных форм уголовного судопроизводства, как правило, исходили из того, что упрощение процессуальных процедур несовместимо с обеспечением «подлинных» процессуальных гарантий [57, С. 50-53; 74, С. 68-85], с общей демократической, гуманистической тенденции развития уголовного судопроизводства [36, С. 53]. Это же набор аргументов (с поправкой на современность) использовался и во время обсуждения проектов сокращенного судебного разбирательства и досудебного соглашения о сотрудничестве. Так Л.В. Головко писал, что континентальный уголовный процесс «настороженно» относится к признанию обвиняемым своей вины, принципиально не рассматривая ее в качестве «признания уголовного иска» как это принято сторонниками «чистой состязательности». Признает обвиняемый свою вину или не признает ее, следователь, суд в любой обязаны исследовать все обстоятельства дела, не будучи связан формальной позицией сторон, а будучи обязаны установить объективную истину по делу [15, С. 192].

Признаем справедливость соображений о том, что любая уголовно-процессуальная форма, включая и такую «сокращенную форму», что регламентирована главой 40¹ УПК РФ, не может служить легальным прикрытием лжи, фабрикации уголовных дел, халатности расследования. Нельзя не согласиться с требованием о том, что дифференциация (а фактически: упрощение) форм уголовных судопроизводств объективно необходима и практически важна, но это не должно наносить ущерба правам и законным интересам личности 13. Это предостережение сохраняет актуальность и в отношении производства по делу, по которому было заключено соглашение о сотрудничестве. Разумеется, дифференциация процессуальных форм, создание аналогов сделки о признании должно осуществляться при соблюдении принципов уголовного судопроизводства, сопровождаться сохранением основных процессуальных гарантий [6; 10; 25; 63; 72, С. 251-255].

Таким образом, проблема дифференциации уголовно-процессуальных форм имеет одной из своих важнейших составляющих такой аспект нахождение баланса между удешевлением и рационализацией уголовного судопроизводства, с одной стороны, и сохранением и даже упрочением процессуальных гарантий правосудия и прав личности, с другой стороны.

Возможно, разработчиками учения о дифференциации уголовно-процессуальных форм были созданы предпосылки 4 для создания процедур вроде тех, что были введены главами 40, 401 УПК РФ, ведь теперь тезис о том, что уголовно-процессуальные формы

¹³ Такова неизменная позиция сотрудников Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), которые со времен академика М.С. Строговича, негативно воспринимают любые попытки упрощенчества, как противоречащие духу демократизации и гуманизации уголовного судопроизводства. См. напр.: Уголовнопроцессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: Теоретическая модель / Под ред. В.М. Савицкого. М.: Изд-во ИГПАН СССР, 1990. С. 11.

¹⁴ Как подготавливается почва для взращивания плода или формируется предуготовленность к восприятию чегото нового в смысловом пространстве.

подлежат дифференциации не оспаривается и потому можно ставить вопрос о создании все новых и новых форм. Мы поддерживаем точку зрения С.С. Цыганенко, согласно которой дифференциацию следует понимать как применяемый в уголовно-процессуальном праве способ воздействия на общественные отношения, складывающиеся в уголовном судопроизводстве, ведущий к использованию в уголовном процессе различных по своему характеру и назначению судебных и несудебных производств и форм, что обеспечивает разнородную по методам, но общую по целям структурную систему уголовного процесса, направленную на предоставление его участникам адекватной защиты их прав и свобод в соответствии с характером и тяжестью мер уголовной ответственности [70, С. 86].

Другой тезис сторонников теории дифференциации форм уголовного судопроизводства, который также оценивается нами позитивно, состоит в том, что дифференциация (подобно мутации) объективно связана с развитием права: на каждом новом витке диалектического развития уголовно-процессуального права в нем появляются новые разновидности форм. Как отмечает В.Т. Томин, существует необходимость в непрерывной модификации существующих в каждый исторический момент нормативных, опытных и доктринальных форм уголовного судопроизводства в зависимости от происходящих в обществе социальных (в широком смысле) изменений [60, С. 196-197].

В целом, можно согласиться с мнением о том, что тенденция дифференциации процессуального регулирования рассматривается как нормальный, естественный процесс развития законодательства, причинами которого являются рационализация и оптимизация процесса [26, С. 149]. Как утверждает Д.П. Великий, дифференциацию уголовно-процессуальной формы следует понимать как возможность в рамках единой судебной системы, единого уголовно-процессуального законодательства, основываясь на единых принципах, решать единые задачи различными способами [9, С. 22]. Е.Г. Лукьянова пишет о том, что две противоположных тенденции дифференцирования: усложнение и упрощение, взаимно переплетаются; усложнение процессуальных форм сопровождается вкраплением упрощенных элементов, и наоборот [26, С. 148].

Теперь задумаемся над тем, где критерий для дифференциации форм? Что является признаком настоящей сокращенной формы? Ведь некоторые авторы склонны к чрезмерно широкому пониманию дифференцирования, и утверждают о факте дифференциации уголовно-процессуальной формы, когда имеются какие-либо отличия в порядке процессуальной деятельности. Скажем, к дифференцированным формам они относятся производства по уголовным делам в отношении «спецсубъектов» (ст. 447 УПК РФ), несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ), по делам о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК РФ) и пр. [11, С. 34-37; 46, С. 39; 56, С. 64, 71-73]. Считаем, что это не вполне верный подход к определению дифференциации, следуя ему мы можем выделять еще целый ряд дифференцированных форм: производство по делам о налоговых преступлениях ил производство по делам в отношении «предпринимателей» или в отношении «женщин», международное сотрудничество по уголовным делам и т.п. Потому правы те, кто предлагает различать уровни дифференциации: дифференциация низшего уровня, высшего, переходные уровни [56, С. 53; 70].

Мы считаем, что для характеристики качественно новой формы, каковой является досудебное соглашение о сотрудничестве, требуется новый подход. К появлению новой формы, иного режима соответствующего этапа процессуальной деятельности способна привести лишь «дифференциация высшего уровня», то есть когда создается

действительно новая модель урегулирования уголовно-процессуальных отношений, разрешения уголовного дела. Согласимся с тем, что «дифференциация» есть не что иное, как наличие «качественных», конструктивных отличий у новой формы [13, C. 33; 27, C. 51; 45, C. 99; 62, C. 10].

Верно подмечено, что «процессуальная» дифференциация сопровождает (как «материально-правовую» дифференциацию реакции государства преступность, от или иной ее вид. М.К. Свиридов в качестве основания дифференциации указывал на процессуальные и материальные факторы. При этом к процессуальным основаниям автор относил степень сложности познавательной деятельности по установлению всех обстоятельств дела; и необходимость (или ее отсутствие) принудительного обеспечения надлежащего поведения обвиняемого и подозреваемого, а также наличие у обвиняемого и потерпевшего особых качеств, таких как несовершеннолетие, физические, психические недостатки и др.) [49, С. 241]. Материально-правовую детерминанту усматривают в уголовно-процессуальной дифференциации и другие исследователи [17, С. 29]. В частности, Т.В. Трубникова полагает, что такими детерминантами могут быть: а) не слишком тяжкий характер последствий производства для лица, в отношении которого оно ведется; б) учет интересов лица, в отношении которого ведется судопроизводство, или лица, пострадавшего от преступления; в) отсутствие признаков, свидетельствующих о повышенной сложности установления фактических обстоятельств по определенной категории дел или по конкретному делу; г) определенных законом признаков (несовершеннолетие, неспособность отсутствие самостоятельно защитить свои интересы и т. д.) у лица, в отношении которого ведется судопроизводство, и лица, пострадавшего от преступления; д) отсутствие у конкретного дела признаков, свидетельствующих о его особой значимости [62, С. 100].

По мнению Д.П. Великого, критериями (основаниями) для конструирования самостоятельных уголовно-процессуальных форм являются: степень общественной опасности преступления, выраженная в принадлежности преступления к одной из четырех категорий (ст. 15 УК РФ) или в максимальном или минимальном пределе уголовной санкции; значение совершенного преступления для тех или иных субъектов (степень реализации публичных начал); специфические характеристики личности обвиняемого (обвиняемых) [9, С. 7, 11-12]. Как считает указанный автор, не являются основаниями для дифференциации (конструирования самостоятельных процессуальных общественно-политическое значение совершенного преступления, а также степень сложности рассмотрения и расследования дела. Основаниями для производства в той или иной процессуальной форме могут быть, во первых, совершение преступления, производство по делу о котором предусмотрено в данной процессуальной форме; вовторых, согласие обвиняемого(ых) или подозреваемого(ых) на производство в данной процессуальной форме; в-третьих, мнение должностного лица или государственного органа, осуществляющих производство по делу о необходимости (возможности) производства в данной процессуальной форме. А для некоторых форм достаточно всего одного из перечисленных оснований, для других - совокупности двух или всех трех оснований [9, С. 10]. Несмотря на то, что в вышеизложенных соображениях есть позитивные моменты, на наш взгляд, они не могут быть рапространены на абсолютно все «сокращенные производства», включая институт досудебного соглашения.

На наш взгляд, жесткая детерминация между материально-правовыми и уголовнопроцессуальными элементами прослеживается не всегда. В случае с возникновением такой «сокращенной формы», как особый порядок судебного разбирательства и досудебное соглашение, наверное, надо говорить о глубинных изменениях в уголовной политике. Цель ставится не в искоренении преступности и даже не в борьбе с ней, а контроле и поиске форм сосуществования с криминалом. В контексте смены всего инструментария воздействия на преступность появляется и потребность в дифференциации уголовно-процессуальной формы, вплоть до отрицания старой формы.

Как утверждает А.В. Рудовский, не следует сводить уголовно-процессуальную дифференциацию к сугубо материально-правовым детерминантам, у нее есть своя логика и свой комплекс причин. В этой связи уместным будет рассмотреть вопрос об основаниях дифференциации форм уголовного судопроизводства [45].

Обсуждение новых форм дифференциации в современном контексте требует учета новых социально-политических и юридических реалий, именно они лежат в подоснове дифференциации, что же касается технической стороны вопроса то, здесь в первую очередь важно определиться с направлениями дифференциации, определиться с приоритетом в целеполагания при дифференциации.

Таким образом, ключевой вопрос, возникающий применительно к проблеме дифференциации процессуальных форм, наряду с вопросами о принципиальной возможности этого явления, его критериях и основаниях, — это вопрос о направлениях дифференциации уголовного судопроизводства. Традиционно в этом плане выделяют три формы процесса: общий порядок процессуальной деятельности и производные от него порядок с более сложными процессуальными формами (или с дополнительными процессуальными гарантиями) и упрощенный порядок производства (или суммарное производство). Вопрос состоит в том, на какой правовой основе проводить дифференциацию, какую модель взять за образец. За образец берут следственную форму [27, С. 97-98].

Таковы основные результаты, к которым приводит исследование сущности досудебного соглашения о сотрудничестве с позиции классического учения о дифференциации форм уголовного судопроизводства.

Экскурс в историю вопроса о дифференциации форм позволяет предположить, что он становится в повестку дня каждый раз, когда предстоит качественный скачок в развитии формы уголовного судопроизводства, что является составляющей смены уголовной политики.

Итак, анализ правовой природы института, предусмотренного главой 40¹ УПК РФ и соответствующими статьями УК РФ, в свете учения о единстве и дифференциации уголовно-процессуальных форм имеет как свои достоинства, так и недостатки.

Несомненно, *сильной стороной* данного подхода является то, что имеет глубокие корни в правовой идеологии нашего процесса, который по сути, несмотря на смену политических режимов, остается по сути одним и тем же на протяжении последних двух веков: это смешанный уголовный процесс.

Современные авторы начинают помаленьку разбавлять теорию о дифференциации уголовно-процессуальной форме допущениями и дополнениями, из другой – договорной концепции [13, С. 68, 70]. Так, Т.В. Топчиева обосновывает тезис о дуалистической природе института [61, С. 25-29]. Делается вывод, что предметом досудебного соглашения о

сотрудничестве является объем действий, определяющих соблюдение условий данного соглашения, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом и направлены на установление существенных обстоятельств по конкретному уголовному делу [61, С. 30-32].

Нельзя не поддержать выводы этого автора о том, что в целом институт досудебного соглашения о сотрудничестве соответствует принципам и назначению отечественного уголовного процесса, следует современным тенденциям индивидуализации уголовного наказания и упрощению (дифференциации) уголовного судопроизводства [61, С. 42-49].

На наш взгляд, теория единства и дифференциации формы должна быть дополнена теорией уголовно-процессуального договора, который характеризует сущность части упрощенных (согласительных) процедур, включая досудебное соглашение о сотрудничестве.

Литература

- 1. Аверченко А.К. Проблемы законодательного регулирования дознания по новому УПК России // Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Томск, 2002. С. 92-95.
- 2. Анашкин Г.3. Вопросы науки советского уголовного процесса и судоустройства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 20. М., 1974. С. 72.
- 3. Анашкин Г.3. О едином порядке производства по уголовным делам и пределах его дифференциации // Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970. С. 32–37.
- 4. Арсеньев В.Д., Метлин И.Ф., Смирнов А.В. О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам //Правоведение. 1986. № 1.С. 78–83.
- 5. Арсеньев В.Д. Упрощение не равнозначно упрощенчеству // Социалистическая законность. 1975. №3. С. 63–64.
- 6. Аширов Р.Д. Институт ускоренного производства как средство повышения эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 59-74.
- 7. Безлепкин Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002.
- 8. Бойков А.Д. Перспективы развития уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 43. М.: Юрид. лит., 1985. С. 41–52.
- 9. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
 - 10. Волынская О.В. Ускоренное производство в уголовном процессе. М., 1994.
- 11. Воскресенский В.О. О дифференциации судопроизводства // Законность. 1995. № 11. С. 34–37.
- 12. Гарифуллина А.Х., Сафаров И.Г. Предпосылки возникновения и развития упрощенных форм производства в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 9. С. 118-122.
- 13. Головинская И.В., Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: Монография. Владимир, 2011.
- 14. Головинская И.В. Расширение перечня особых порядков судебного разбирательства в отечественном уголовном процессе: досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Владимирского юридического института. 2009. №3(12). С.

56-59.

- 15. Головко Л.В. Сделки с правосудием: объективная тенденция или модное поветрие // Закон. 2009. № 9. С. 187-196.
- 16. Гуляев А.П. Единый порядок предполагает дифференциацию // Социалистическая законность. 1975. № 3. С. 64–65.
- 17. Дубовик Н.П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам: Дис... канд. юрид. наук. М., 2004.
- 18. Дьяконова В.В. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
- 19. Иванов А.А. Соотношение института досудебных соглашений о сотрудничестве со смежными правовыми институтами // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 141-144.
- 20. Каз Ц. О единстве и дифференциации уголовного судопроизводства // Социалистическая законность. 1975. № 1. С. 65.
- 21. Кищенков А.В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения // Дис... канд. юрид. наук. Владивосток, 2010.
- 22. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Алексеев В.Б., Алексеева Л.Б., Божьев В.П., Бойков А.Д., и др.; Под ред.: Бойкова А.Д., Карпеца И.И. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.
 - 23. Кучерена А. Ловушка для мафии или сделка с совестью? // РГ. 2009. 9 сентября.
- 24. Ленский А.В., Трубникова Т. В., Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Под общ. ред. М.К. Свиридова. М., 2000.
- 25. Лонь С.П. Протокольное производство новый вид уголовно-процессуальной формы// Правовые вопросы борьбы с преступностью на современном этапе: Сборник. Томск. 1989. С.135-143.
 - 26. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. 2-е изд., перераб. М., 2004.
- 27. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / Под ред. В.М. Корнукова. Саратов, 2003.
- 28. Марковичева Е.В. Ускорение уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав лиц, вовлеченных в сферу уголовной юстиции // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 65-66.
- 29. Маршев С.А. О дифференциации форм уголовного судопроизводства // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 141–147.
- 30. Михайлов П. Сделки о признании вины не в интересах потерпевших // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 37-38.
 - 31. О Концепции судебной реформы в РСФСР. М., 1991.
- 32. Пашкевич П.Ф. О процессуальной экономии в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Труды ВНИИСЗ: Проблемы совер-шенствования советского законодательства. Т. 1. М., 1974. С. 160–173.
- 33. Пашкевич П.Ф. Проблема процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1971. Вып. 14. С. 78–79.
- 34. Пашкевич П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 54–56.

- 35. Перекрестов В.Н. Уголовно-процессуальное значение признания обвиняемым своей вины в уголовном судопроизводстве РФ // Автореф. дис... канд. юр. наук. Волгоград, 2010.
- 36. Петрухин И.Л. Об упрощенной (протокольной) форме расследования преступлений // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978.
- 37. Петрухин И.Л. Оптимальная уголовно-процессуальная форма // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., 1977. С. 104-113.
- 38. Петрухин И.Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 35-36.
- 39. Пиюк А.В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. Томск, 2011.
- 40. Победкин А.В., Ямин В.Н. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.Н. Григорьева. М., 2004.
- 41. Полянский Н.Н. Право обществ на уголовный иск // Вопросы права. 1911. Кн. 6(2). С. 75-122.
- 42. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1991 г. № 44. Ст. 1435.
- 43. Рахунов Р.Д. Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях // Советское государство и право. 1975. №12. С. 60-68.
- 44. Рахунов Р.Д. Проблемы единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 83–91.
- 45. Руновский А.В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: Дис... канд. юрид. наук. М., 2012.
- 46. Рустамов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса (современные тенденции и проблемы совершенствования): Дис. ... докт. юрид. наук Москва, 1998. 337 с.
- 47. Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. М., 2004. С. 22–28.
- 48. Самойлюк Р.Н. Методы осуществления государственной власти в современной россии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3. С. 310-314.
- 49. Свиридов К.М. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та., 1987. С. 241–242.
- 50. Сердюков С.В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспективы. М.: ЮРКНИГА, 2006.
- 51. Семухина О.Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса: Дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2002.
- 52. Сереброва С.П. Методология рационализации уголовно-процессуальной деятельности: Монография. Н. Новгород, 2003.
- 53. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве //Уголовный процесс. 2009. №10. С. 5-14.
 - 54. Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. 320 с.

- 55. Смолин А.Г. Сделка о признании уголовного иска: Монография. Саранск, 2005.
- 56. Снегирева Н.И. Обеспечение прав и законных интерресов несовершеннолетних участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования: Дис... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001.
- 57. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. №9. С. 50-53.
- 58. Тарасов А.Н. Сделка с прокурором как способ избежать справедливого наказания или неспособность органов правоохраны самостоятельно раскрывать преступления? // Академический вестник. 2011. № 1. С. 143-147.
- 59. Тимошенко, А.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: оценка эффективности процессуального института // Уголовное право. 2011. № 4. С. 105-111.
 - 60. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1991. 240 с.
- 61. Топчиева Т.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. СПб, 2013.
- 62. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судопроизводств. Томск: Издво Том ун-та, 1999. 132 с.
- 63. Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: Автореферат дисс... канд. юрид. наук. Томск: Томский государственный университет. 1997. 30 с.
- 64. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: Теоретическая модель / Под ред. В.М. Савицкого. М.: Изд-во ИГПАН СССР, 1990.
- 65. Уголовно-процессуальное право РФ: Учебник / Отв. Ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003.
- 66. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2003.
- 67. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. Под ред. К.Ф. Гуценко. Издание 5-е, перераб. и доп. М., 2004.
- 68. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.
 - 69. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х томах. СПб., 1912. Т. 1.
- 70. Цыганенко С.С. Дифференциация как модель уголовного процесса (уголовнопроцессуальная стратегия) // Стратегии уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого, г. Санкт-Петербург, 11-12 окт. 2007 г. СПб., 2007. С. 83-84.
- 71. Шарапов, Р.Д. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном праве "хотели как лучше, а получилось как всегда" // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы Восьмой Международной научно-практической конференции. 27 28 января 2011 г. М.: Проспект, 2011. С. 71 74.
- 72. Элькинд П.С. К вопросу о суммарном судопроизводстве // Сибирские юридические записи. Иркутск-Омск, 1973. Вып. 3. С. 145-148.
- 73. Элькинд П.С. Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства // Юридическая процессуальная форма. М., 1976. С. 251–275.
- 74. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.

- 75. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства по новому Уголовно-процессуальному кодексу России // Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Томск, 2002.
- 76. Якимович Ю К. Необходимость и содержание дифференциации уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. Ю. К. Якимовича. Томск, 2001. Вып. 7. С. 7–9.
- 77. Якимович Ю.К. Проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987.
- 78. Якуб М.Л. О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства // Вестник Московского государственного университета. 1964. Сер. 10. Право. № 2. С. 11–19.
- 79. Якуб М.Л. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать // Социалистическая законность. 1975. № 1. С. 66–67.
- 80. Якуб Л.М. Процессуальная форма в советской уголовном судопроизводстве. М.: Юридическая литература. 1981. 144 с.

Kolesnik V.V. Sushhnost" ugolovno-processual"nogo instituta, predusmotrennogo glavoj 40¹ UPK RF, v svete uchenija o edinstve i differenciacii ugolovno-processual"noj formy / V.V. Kolesnik //Nauka. Mysl'. - № 10. – 2015.

© В.В. Колесник, 2015. © «Наука. Мысль», 2015.

- • -

Abstract. Materials of this issue are the thesis research of pretrial agreement on cooperation of the parties in a criminal trial of the Russian Federation, its doctrine and legislative technique. This section is devoted to the essence of criminal procedural institution that provided by the chapter 40¹ of the Criminal Procedure Code and the consideration takes place in light of the doctrine of the unity and differentiation of criminal procedural form.

Keywords: law, pre-trial agreement, justice, cooperation with suspects.

Сведения об авторе

Вероника Вячеславовна **Колесник** - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

- • -

Подписано в печать 12.12.2015. © Наука. Мысль, 2015.